

Модный философ

Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа 1770 года в Штутгарте, в семье крупного чиновника — до сих пор родительский дом на оживленном перекрестке бывшей столицы Вюртембергского герцогства поражает своей кряжистой основательностью. Герцогство формально входило в состав Священной Римской Империи, но на деле оно гордилось своей независимостью от венских властей. Протестантским предкам Гегеля было бы нечего делать в чопорной католической Австрии, а горная Швабия, славная вольнодумной мистикой и крестьянским здравым смыслом, стала для них настоящей родиной.

В детстве Гегель, по воспоминаниям современников, столь же скоро перемалывал книги своим умом, как мельница — зерно. Хорошая учеба дополнялась занятиями в городской библиотеке, общением с учителями и посещением книжных лавок. Подросток часто не делал разницы между чтением книг по физике, сборников изречений античных мудрецов и любовных романов: он считал, что из любого сюжета можно извлечь полезные выводы. Единственное, что он выделял из потока книг как непререкаемый образец — античную трагедию, переживая ее сюжеты как конспект всемирной истории: не Орест или Антигона, но страны и правительства подвергаются немислимым испытаниям, из которых должны выйти с честью.

В октябре 1788 года Гегелю выдали аттестат об окончании гимназии, и он сразу поступил в Тюбингенскую богословскую семинарию. Здесь он получал от герцога стипендию за отличную учебу.

Тюбинген был центром протестантского богословия, для которого Библия перестала быть рассказом о чудесах и невероятных событиях. Преподаватели семинарии считали, что всё чудесное в Библии требовалось лишь для привлечения неграмотной непросвещенной публики, тогда как основной смысл христианства — моральное преображение человека, его способность стать примером для многих.

Александр Марков

На годы учебы Гегеля пришлось Французская революция, и он воспринял ее как первую, но еще очень несовершенную весть о будущей свободе человечества. Вместе со своими соучениками, Шеллингом, сыном пастора и будущим соперником за звание первого философа Германии, и поэтом Гёльдерлином он посадил во дворе семинарии дерево свободы.

Гегель продолжал много читать и часто не замечал, как наступал рассвет. Впрочем, развлекаться он тоже умел, обыгрывая товарищей в карты и выпивая столько вина, что никто не понимал, почему он не свалился со скамьи, а продолжает свои многочасовые рассуждения.

Получив степень магистра в двадцать лет, Гегель отказался от пасторской карьеры, вероятно, не желая менять круга общения: он слишком привык к веселым товарищам и покровительству местных государей, чтобы заниматься делами прихода.

Первые годы он работал домашним учителем, что ему очень нравилось: в свободные часы каждый день ходил в библиотеку, писал книги и статьи. При этом в отличие от многих современников, завершавших образование «большим путешествием» для изучения светских обычаев разных стран, Гегель к путешествиям оказался равнодушен. Многодневный поход с друзьями по Альпам, горы, виды французских и итальянских городков — все это раздражало его, казалось однообразным. Зачем, спрашивал он, знакомиться с обычаями, которые не меняются веками, когда гораздо интереснее найти общее основание нравственности.

После смерти отца в 1799 году философ, которому уже наскучило преподавание, получил наследство, позволившее ему отказаться от любой поденщины и начать подготовку к университетской карьере. 21 августа 1801 года он впервые поднимается на кафедру как приват-доцент Йенского университета. Йена была центром раннего немецкого романтизма, здесь издавна процветали и естественные науки. Хотя злые языки говорили, что на лекции Гегеля приходит один студент, на самом деле он вполне справлялся

Модный философ

с задачами лектора, привлекая все больше слушателей: легко переходил от одного примера к другому, доказывал свои тезисы как теоремы, умел шутить, требовать длительной серьезной работы. Через четыре года он стал уже не только экстраординарным профессором, но и властителем дум значительной части университетской молодежи.

В октябре 1806 года Гегель завершил свой главный труд, «Феноменологию духа»: печатал он эту работу в типографии уже под выстрелы наполеоновских войск, бравших Йену. В этой книге появляется главный герой его философии, Дух, некоторый принцип всеобщей связи явлений, смысл чего только отчасти передают такие наши слова, как «процесс», «прогресс», «эволюция» или «культура». Этот Дух раскрывает себя в природе, в истории, и становление личности — лишь один из эпизодов его самораскрытия. Дух можно сравнить с биржей, на которой происходят все сделки: если считать таковыми и жизнь атома, и красоту, и понимание: Дух устанавливает курсы обмена этих реальностей, размещает акции бытия на рынках мирового сознания и дает прибыль любому нашему знанию и интуиции, совершенствуя природу и историю.

Во время наполеоновской оккупации Гегель редактировал местную газету, а потом стал ректором классической гимназии в совершенно протестантском Нюрнберге, кем и оставался до 1816 года, когда получил место профессора философии в Гейдельберге. На посту ректора он читал курсы, которые впоследствии составили содержание двух других его знаменитых книг: «Наука логики» и «Энциклопедия философских наук». Если в первой книге мышление было представлено как главное содержание жизни, то во второй — как развитие явлений, связывающее природу и дух, конечное и бесконечное.

Гегель занимался не только высокими материями. Он был не всегда умерен как в выпивке, так и в отношениях с женщинами. Конец его любовным увлечениям положила женитьба в 1811 году на Марии фон Тухер — породниться с баварской католической аристократией означало для Гегеля завоевать доверие уже всей мыслящей Германии. Воспи-

Александр Марков

тывая двух законных сыновей, он нашел и забрал из приюта своего внебрачного сына.

Гегель мог подавать на конкурс на место профессора философии в любой университет Германского союза. Отклонив несколько предложений, он выбрал Берлин, куда и переехал в 1818 году. Открытый в 1810 году, Берлинский университет был флагманом немецкого образования, как университет публичной передовой науки, в противовес более узкому профессионализму наполеоновских оккупантов; и лучшие университеты России и США, даже если они были основаны гораздо раньше, во многом копируют берлинскую модель «исследовательского университета». Если прежде на кафедрах профессора читали лекции по учебникам, а книги предназначали коллегам, то в Берлинском университете полагалось заниматься наукой и сразу «органично» знакомить студентов со своими достижениями. Поэтому лекции и стали основной формой работы философа: зачем писать книги, когда вместе со студентами ты разобрал самые новые вопросы. Сейчас Гегель, наверное, делал бы интерактивный образовательный сайт; впрочем, уступая вкусам современников, он выпустил в 1821 году трактат «Философия права» как методическое пособие по одноименному курсу, но в остальном он импровизировал и экспериментировал. Даже такая знаменитая книга, как «Эстетика», на самом деле представляет собой подробный конспект его курса, живую речь лектора, который объясняет, как мысль ищет свою форму и свою драматургию, и в результате у нас получается и множество видов искусства, и множество стилей жизни. Гегеля просили издать методическое пособие по данному курсу, но он так и не собрался это сделать.

Главным его методом стала диалектика: так в античности называли искусство рассуждать в присутствии собеседников и спорить. Но если в античности это было лишь одно из словесных искусств, то для нашего философа диалектика сделалась методом познания самых общих закономерностей природы и общества. Как получается, что мир резко меняется и при этом остается в целом тем же? Почему в природе

Модный философ

господствуют законы, но вместе с тем сама жизнь природы или человека непредсказуема? Как наши схемы и обобщения, с помощью которых мы познаем мир, соотносятся с его действительной жизнью, которая вовсе не схематична? Диалектика должна была дать ответы на эти здравые и насущные вопросы.

В ней появляются свои сюжеты, например, «снятие» или, вернее сказать, «отсрочка» — преодоление противоречия тем, что создается новая точка зрения на это противоречие, новый способ отношения к нему. Появляются также свои персонажи, скажем, Господин и Раб: если Господин жертвует собой ради общего блага, то Раб — ради Господина, но именно поэтому Раб может стать центральной фигурой в истории, от него зависит сохранение в ней чести. Есть в диалектике и свои драматические мотивы, и речевые штампы — одним словом, это наука о том, что жизнь — не театр, а театральное училище, природе и обществу еще надо научиться, благодаря философии, правильно и последовательно играть свои роли.

В 1820-е годы Гегель становится не только общенемецкой, но и общеевропейской знаменитостью. Конечно, он не собирает площади, как Шеллинг в склонном к театральности Мюнхене, но если кто-то приходит на его лекцию, то потом рассказывает об этом сотням людей в личном общении или в газете. Гегельянство стало одной из общеевропейских мод: можно было только удивляться, почему сложные и непонятные рассуждения этого мыслителя вдруг стали звучать по всей Европе в светских гостиных, министерских кабинетах, а то и на революционных площадях. Сам Гегель чем дальше, тем больше опасался прямого приложения своей философии к делу, напоминая, что осмотрительность должна обуздывать энтузиазм, а созерцание — воспитывать пронциательность. Но гегельянство стало учением о том, как можно радикально изменить обстоятельства своей жизни, а то и саму историю. Известное изречение философа «Все действительное — разумно» означает вовсе не то, что неразумные события не могут происходить, но что только разумное основание действия в окружающем мире может

объяснить это действие. Тогда разум может заново разыграть драму истории и сделать ее лучше.

В 1830 году Гегель становится ректором Берлинского университета и ревностно принимается за совершенствование исследований на всех кафедрах. Философия для него была главным вдохновением для экспериментальной науки: ведь она объясняла, почему эксперимент не просто дает результат, но и имеет смысл, учит правильно стратегически мыслить, а не только правильно наблюдать. К сожалению, счастье амбициозного ректорства длилось недолго: в августе 1831 года в Берлине началась холера, и Гегеля посоветовали переждать эпидемию в карантине. Но ему трудно было жить вдали от этого города; и когда 1 октября начался новый семестр, философ велел везти его прямо в университет. Гегель думал, что пик эпидемии прошел и встречи с родными слушателями будут еще долго его радовать. Но 14 ноября 1831 года он умер, оставив идеи и тексты, волнующие нас сразу, как только мы приступаем к их чтению.

«Науку логики» Гегель написал в бытность ректором Нюрнбергской гимназии, с целью доказать, что наше мышление — не просто обобщение наблюдений, а столь же необходимая часть мироздания, как природа и история. Мы мыслим потому, что сам наш ум не может не раскрыться как чистая способность мышления, научив нас быть ближе к общему смыслу мира. Единственное, на что сетовал Гегель — что люди часто смешивают мысль то с природными впечатлениями, то с подсказками своего языка. Поэтому нужно создать науку, которая докажет, что опыт встречи с природой и переживание смысла слов не образуют наше мышление, но, напротив, следуют из его строения.

Гегель упрекал прежнюю, формальную логику в том, что она не живет теми идеями, которые обсуждает. Например, она вскрывает противоречие между двумя утверждениями. Но может ли она пережить противоречие как драму, трагедию или просто как недоразумение, сюжет для небольшого рассказа? Новая, диалектическая логика, утверждает фи-

Модный философ

лософ, научит жить идеями, жить как в лучшем романе, и, в конце концов, приведет весь мир к счастью.

Главная задача «Науки логики» — научить мыслить не только отношения между вещами, но и содержание вещей и состояний. Скажем, старая логика утверждала бытие в противоположность небытию, выводя свойства бытия из этого противопоставления. Но, говорит Гегель, конфликт «бытия» и «небытия» принадлежит частным наблюдениям: абсолютное бытие, как и абсолютное знание, умеет само учредить собственное небытие и само его отменить. Оно реализует свои возможности прежде того, чем поймет, в каких отношениях и с чем состоит. Поэтому, перед разговором о тождествах и различиях, надо разобраться, как устроена реальность, предшествующая привычным нам коллизиям.

Можно читать «Науку логики» как большой роман, в котором Становление (взаимная жизнь Бытия и Небытия) становится Наличным Бытием (Dasein), примерно так же, как подросток — взрослым, а пылкий влюбленный — умудренным годами семьянином. Но этот труд можно прочесть и как великую книгу об интуиции, благодаря которой мы можем отвлечься от расхожих суждений и научиться мыслить самую суть самых сложных обстоятельств.

Главный свой труд Гегель написал как первый том задуманной им «Системы наук», далее он, полностью обратившись к преподаванию, не систематизировал науку, но излагал ее для различных аудиторий. Первоначально предметом книги, вышедшей в 1807 году, должно было стать «сознание»: его Гегель понимал не просто как мышление внутри себя, но как способ откликаться на события и на само бытие, как мост от «знания» к «действительности»: от присвоенного человеком — к правомочно существующему в бытии.

Но потом замысел расширился: героем книги стал дух, интеллектуальный принцип, которому подчиняется и природа, и наше отношение к ней, и который, в конце концов, завоевывает всеобщее доверие. Труд Гегеля стал авантюрным романом про то, как дух, противореча себе, ошибаясь

Александр Марков

и споря с собой, раскрывается в истории, в самом бытии (в итоге созидавая его норматив). Книга стала и романом воспитания, изобразившим жизнь духа, как его постоянную готовность учиться даже в данные ему в длительности существования отсрочки — мы смотрим на долго существующие вещи, а тем временем дух выполняет «домашние задания».

Книга вышла из типографии в 1807 году и сразу обратила на себя внимание читателей композицией: была построена новаторски, как индукция, от простого к сложному, от чувственных и опытных данных — к интеллектуальным открытиям. И это не было объяснение сложных вещей через простые. Наоборот, с первых страниц нужно было понимать, как возникают разного рода данные, благодаря чему мы чувствуем или понимаем. В этом «Феноменология духа» наследовала стилю энциклопедий, которые тоже требовали осваивать сложные предпосылки современных наук в ходе применения вычитанных из статей и рубрик знаний. Но труд Гегеля — уже не энциклопедия, он не обучает наукам и искусствам, но показывает, как дух учится бытию; и мы сами в ходе этого обучения становимся немного другими, начинаем в большей степени «быть», чем раньше.

Прежде всего, Гегель решил пойти дальше Канта: если Кант искал, какие свойства субъекта определяют его способность познания, то Гегель, наоборот, — как устройство знания узаконивает субъекта в качестве того, кто извлекает содержание из познания. Но значение книги — не только в исследовании самих причин появления субъекта и предметного знания, но и в более общем понимании интеллектуальной сферы не как области операций и аналогий, но как самого простого способа для события сбыться истиной бытия.

Александр Марков

**наука
ЛОГИКИ**

А. БЫТИЕ

Бытие, чистое бытие — без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему.

Иное — понятие, противопоставленное понятию «одно». Не следует путать «иное» и «другое»: за другим может следовать третье, четвертое, одно может сочетаться с другим или не сочетаться. Тогда как иное абсолютно, и своей абсолютностью подтверждает единичность «одного». Гегель говорит, что бытие не может иметь «иного» в строгом смысле слова, потому что это иное тоже «будет», а значит, будет бытием, а не небытием.

Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту.

Бытие есть чистая неопределенность и пустота. — В нем *ничего* созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле *ничто* и не более и не менее, как ничто.

Пустота у Гегеля никогда не означает просто отсутствия вещей. Скорее, это ближе нашему выражению «свободное место», что можно понять и как освобожденное, и как предоставленное для дальнейшего заполнения. Квартира свободна, когда из нее съехали прежние жильцы, и когда она ждет новых жильцов. Так и бытие: оно абсолютно, поэтому